

КОНВЕРСИЯ ИНСТИТУТОВ. НАЧАЛА ТЕОРИИ

Дегтярев Александр Николаевич

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа, Россия

Глава 1 CONVERSION CAUSALITY.

Историческая реконструкция трансформации институтов

ВВЕДЕНИЕ

«What cannot be cured must be endured»
(Приходится мириться, что нельзя исправить)
(народная мудрость)

Исследования макроэволюции мировых общественно-экономических систем в протяжении всей цивилизованной истории человечества, осуществляемые учеными, представляющими различные области научных знаний и школ, важны не только для того, чтобы «не распалась связь времен». Они демонстрируют множество примеров институционального ароморфоза – приспособления и развития институтов общества для достижения адекватного новым вызовам времени состояний конверсии. Не случайно экономическую науку называют «апостериорной», поскольку какие-либо выводы возможно получить только после изучения фактов из прошлого» [Сухарев, 2007, с. 438]. При этом гуманитарные науки, эволюционируя вместе с обществом, в стремлении найти универсальные модели развития мира находят лишь отдельные закономерности этого многофакторного процесса, отражающие специфику соответствующей отрасли знаний: истории, философии, экономики, социологии, математики, космологии и др. Сегодня, в XXI веке, становится ясно, что, как не существует абсолютной истины, так нет и единой универсальной модели развития экономик и социумов: мир развивается по законам эквифинальности.

Возможно, когда-нибудь математические, технические и когнитивные возможности науки и вычислительных платформ позволят просчитывать и моделировать все немислимые варианты развития событий в той или иной системе в зависимости от такого же немислимо большого количества возможных возмущений ее элементов. Пока же надо признать, что все имеющиеся модели весьма приближенно отражают реальные процессы

трансформации, даже имеющие глобальные последствия для мировых экономик, экологии, гуманитарной сферы и самой человеческой личности.

Заметим, что эти выводы не дифференцируют мировые экономики по «национальным матрицам» – «западным» или «восточным» институциональным матрицам, а отражают общемировую тенденцию, подчеркивая определенные закономерности мирового развития в новых координатах динамично глобализирующегося мира. В целом этот процесс, по мнению известного русского философа с мировым именем П. Сорокина, в перспективе должен привести к новому глобальному порядку, в котором доминирующую роль займут государства – лидеры с конвергентной системой базовых институтов, которая «в своем развитии не будет вероятно, простой эклектичной смесью специфических особенностей обоих типов, но объединенной системой интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности, существенно отличных от капиталистических и коммунистических образцов» [Сорокин, 1997, с. 350].

Об этом же свидетельствует множество исследований мировой истории и экономики стран мира. Главный вывод этих компаративных исследований: эволюция общественно-экономических систем, не зависимо от многовариантности этой «дорожной карты» и ее нетипичных и неожиданных поворотов – процесс непрерывный и необратимый. Последнее обстоятельство, выведенное и актуализированное в теории Хаоса И. Пригожиным особенно важно, ибо дает ключ к познанию глубинных процессов, являющихся триггерами и движителями трансформации, каковыми являются аккумуляция и диссипация энтропии открытых общественно-экономических систем и ее трансфер агентами-актерами от одного аттрактора к другому с целью создания «новой реальности».

Моделирование жизненного цикла общественных институтов, определяющих макроэволюцию открытых динамических систем, имеет принципиальное значение для познания мира, однако установление каузальных закономерностей и коэволюции базовой триады институтов – социальных, экономических и политических, с точки зрения глобальных последствий, наиболее важно и значимо. Подтверждению этого тезиса посвящен компаративный анализ мировых практик взаимосвязи институтов общества в ходе их трансформации, представленный в данной главе. Исторические хроники конверсии институтов, в целях объективизации доказательной базы, ориентированы на системы с различными моделями политического и экономического устройства, относящимися так же к разным историческим эпохам, отражающим разный уровень экономического и социального развития общества. В контексте обозначенного тренда, исторической реконструкции эволюции мировых экономик посвящена данная глава, призванная предварить исследование феномена конверсии институтов – верифицируемого параметра, отражающего финальную или промежуточную фазу трансформации институтов, составляющих основу архитектуры мировых общественно-экономических систем.

§1. Связь времен.

Исторические хроники социодинамики общественно-экономических систем (текст приводится в сокращении)

В целом институты, формировавшиеся изначально в структуре мирового сообщества, можно отнести к категории U-матрицы (Unknown), поскольку они представляли собой смешанную модель квазиинститутов, из которых, как из куколки шелкопряда, впоследствии вызревали устойчивые формы общественных отношений. Так, в итоге сформировались две базовые модели, отражающие коммунитарный и индивидуалистский контент институционального строительства и агентных отношений, а также их смешанные вариации, характерные, главным образом, для транзитивных экономик или недоразвитых сфер.

Модель современной институциональной архитектуры общественно-экономических систем основывается на триаде базовых институтов – социальных, экономических и политических, и называемых в этой связи, социально-экономико-политическими.

Рассмотрим примеры конституирования этих базовых институциональных структур в контексте эволюции мировых макрогенераций, взяв за условную точку отсчета эпоху Средневековья, когда началось формирование рыночных институтов, часть из которых была заимствована еще у сошедших со сцены мировой истории цивилизаций. Период упадка в Западной Европе и на Востоке, послуживший своеобразным триггерным эффектом, подготовил предпосылки для «нового старта» нарастающего влияния новых экономических, политических и социальных институтов.

Важным фактором развития экономических институтов этого периода становится институт денег. Этот институт, доставшийся в наследие от городов-государств, сохранился и получил свое развитие именно в Средневековье. Деньги или квазиденьги, в разных их формах применялись в торговле издревле, однако только в Средние века они стали активно использоваться для масштабных экономических акций, причем не только для обеспечения эквивалентности обменов («средство платежа»), но и для их планирования и реализации («мера стоимости»). Капитал стал фактором обеспечения эволюции рынка.

Второй компонент экономического наследия той эпохи касается правовой области. Дж. Хикс констатирует, что римляне, по существу, «были ярко выраженными конституционалистами и в таком качестве придерживались правовых идей, которым свойственны торговле понятия собственности и контракта не были абсолютно чужды. Они были прирожденными творцами законов. И в рамках созданного ими права им было не трудно в конце концов найти место и для торгового законодательства» [Дж. Хикс, 2003, с.96]. Главные вопросы на первом этапе формирования Римского права касались отношений между собственниками земли, а также процедур передачи собственности

наследникам. По мере расширения Римского государства (~ 200 г. до н.э.), при преобразовании одной из республик центральной Италии в империю, понадобилось значительно расширить рамки правовых норм. При этом развитие права сопровождалось эволюцией денежной системы, как экономического института. Это послужило во многом важным фактором усиления мощи Римской империи.

А в Европе «обновленное право долго считалось «римским» – исторический авторитет последнего служил для него своеобразным сертификатом качества» [Хикс, 2003, с. 99], но это можно услышать и сегодня! Какова «живучесть» обстоятельно «сколоченных» и выверенных временем институтов!

Третьим важнейшим фактором экономического развития общества и государства стал институт рынка труда, без которого даже «ранний» рынок, например, как при российском крепостном праве (и аналогичной системе хозяйствования в средневековой Восточной Европе) был бы невозможен или проблематичен, тем более в условиях стран Западной Европы. Эти отношения так же стали наследием римских практик трудовых отношений: историкам известны многие артефакты, например, образец договора трактирщицы, относящийся к 8 г. до н.э., содержащий юридические термины; документ о создании государственной пожарной охраны в Риме (1г. н.э.); закон об обязательной регистрации ребенка в местных органах власти в течение 30 дней (161 г.) и др.

Наличие таких институтов – это не только свидетельство высокого уровня развития социума, но, как выяснилось еще и гарант его дальнейшей эволюции. Совершенствование институтов прав собственности и контрактов было вызвано потребностями расширения и диверсификации торговых операций и, в свою очередь, становилось гарантом ее экспансии, в том числе и за пределы «своей» территории, путем освоения колонизируемых пространств.

Ни одна аграрная цивилизация, кроме европейской, в рамках которой существенную роль в развитии сыграли раннедемократические принципы древнегреческих полисов, а позже Рима, не смогла в столь короткий исторический период заполнить инновационную институциональную базу нового времени. Новая институциональная основа ведущих европейских государств (Португалия, Голландия, Англия), а вслед за ними и ряда других реципиентов инноваций – средневекового «евросоюза», позволила Европе захватить лидирующие позиции на стадии современного ей экономического развития и, начиная со второй половины второго тысячелетия, диктовать всему остальному миру свои условия развития на протяжении четырех столетий.

В дальнейшем наступил переломный период в мировой истории, когда возможности торговой экспансии эпохи Великих географических открытий, ориентированной на заморские территории, поставившие множество продуктов потребления и драгоценные металлы, истощились или стали недостижимы. Чтобы поддерживать развитие экономики, Европа должна была обеспечить собственную экспортную продуктовую линейку, и с данной задачей она блестяще справилась, вступив в эпоху промышленной революции. Одним из

важнейших факторов осуществления промышленной революции помимо технико-технологических успехов науки было становление финансовых рынков, рынков ценных бумаг, способствовавших процессу капитализации производства. Да и технико-технологические и научные новшества той эпохи тоже не выросли на пустом месте, тоже требовали инвестиций.

Одной из наиболее ярких страниц мировой истории, характеризующей разнообразие институциональных моделей развития общества, является богатая на крупные события история России – государства, расположенного на рубеже Европы и Азии и испытывающего это влияние буквально на все сферы жизнедеятельности. О влиянии монгольского ига (Азия) на эволюцию общественно-экономических институтов России Е. Гайдар пишет: «Россия, до начала XIII в. шедшая в общем потоке европейского развития и находившаяся под культурным влиянием Западной Европы, к XV-XVI вв. превращается в традиционное централизованное аграрное государство со всеми характерными для него чертами – всевластием правителя, бесправием подданных, отсутствием институтов народного представительства, слабостью гарантий частной собственности, отсутствием независимых городов и местного самоуправления» [Гайдар, 2005, с. 269-270]. В последствии пружина истории порабощения, 300 лет сжимавшая завоевателями волю и силу русского народа, после переломной в истории России победы Дмитрия Донского начала распрямляться, освобождая поле для свободных от внешнего гнета преобразований. Бумеранг вернулся: Россия, окрепнув в экономическом и военно-политическом плане, в XVI в. устремила свои взоры именно на Восток, наращивая свою экспансионистскую мощь из столетия в столетие, вплоть до XX в. Этому способствовало не только само тягостное состояние народа, находившегося под ярмом чужеземных захватчиков, но и новые вызовы развивающегося российского общества, восстановившего в основном к началу XVI в. культурное и экономическое взаимодействие с Европой.

Таким образом в Средневековье в Русском государстве сложились основы политического института власти, доминантной идеологией которого стала идея «собирания земли русской», хорошо прослеживаемая в действиях русских царей и провозглашенная в посланиях старца Филофея Псковского в первой четверти XVI в. как богоизбранная миссия «третьего Рима». Кроме того, становление сильного христианского государства на огромных просторах Евразийского континента, испытывавшего с Запада давление католических стран, а с Востока – мусульманских, просто было не возможно без «национальной идеи», ставшей основой, говоря современным языком, для эффективного формирования политических, социальных и экономических институтов будущей Российской империи. Традиционная русская культурно-цивилизационная «матрица» в процессе колонизации под влиянием новой природно-географической, экономической и социокультурной среды также претерпевала трансформацию эндогенного характера. С тех пор азиатская Россия дает нам адаптивно более гибкий и конструктивный вариант взаимодействия с азиатскими цивилизациями, при котором она более или менее успешно принимает в себя многообразие

влияния Востока, но «переструктурирует» и синтезирует их в соответствии с исходной культурно-цивилизационной доминантой. По существу, эту эпоху можно считать условной бифуркационной точкой отсчета новой – евразийской цивилизационной идентичности, как относительно самостоятельной ветви эволюции российского социума на Восток от Волги и Камня – Уральского хребта.

Эта взаимная культурно-цивилизационная и геополитическая диффузия нашла отражение в ряде историографических исследований, иллюстрирующих теорию «фронта» Ф. Тернера, коррелирующуюся с теорией конвергенции Дж.К.Гелбрейта применительно к масштабным межцивилизационным социально-экономическим взаимодействиям. Не противоречит такой подход и современным представлениям о трансплантации и трансформации институтов социумов в результате экзогенного воздействия. Уникальность феномена евразийской социально-экономической системы заключается в отличие от чисто европейских или восточных цивилизаций, в том, что ее формирование позволило «за многие столетия совместного существования сложить гибкую систему симбиотического взаимодействия и духовных традиций, необычайное социокультурное разнообразие и богатство народов», населяющих бескрайние территории Азиатской России [Алексеев, 2004, с.186].

«Общественный строй, сформировавшийся в России в XIII-XVII вв. в обстановке жестокого противостояния Степи и Западу, был не феодальным, а азиатским, вотчинным, деспотическим. Государство, в конечном счете, подмяло под себя общество и церковь, ликвидировало вольности городов (в Северо-Западной Руси), подавило или резко ограничило свободу всех сословий, включая дворян и купцов. На долгие годы в качестве устойчивой доминанты, институциональной нормы и культурной традиции, установились – самодержавный произвол, односторонние обязанности низов перед верхами и законы «приказного права» [Мельянцев, 2004, с.140]. Все это способствовало воспроизводству и закреплению архаичных институтов в социальной, экономической и политической сферах российского государства. Вместе с тем, имели место в истории России примеры попыток взять на вооружение и от Запада лучшие практики новаций в экономике, технологиях и более цивилизованном администрировании государственного хозяйства, как это было в период правления Петра I. Однако же живучесть национальных традиций оказывалась чаще всего выше здравого смысла и экономической целесообразности – категории вообще малопрививаемой на бескрайних просторах нашей Родины, чьи несметные богатства многим людям кажутся неисчерпаемыми. Иллюстрацией сформировавшегося «эффекта колеи» – «path dependence»-«по-русски» являются исследования известного российского ученого Рустэма Нуреева [Нуреев, 2015].

§2. Триггеры системной коэволюции институтов (текст приводится в сокращении)

Рубеж XX и XXI веков стал, как известно для России, поистине новым, эпохальным рубежом цивилизационного развития, в рамках которого коренным образом изменилась вся триада базовых институтов. Трансформировались политические институты государства, «которого уже нет»; социальные институты общества, в котором «центр тяжести» общественного сознания сместился от «Мы» к «Я»; экономические институты, открывшие путь рыночным формам экономики, оставив в прошлом редистрибутивный механизм коммуникаций. Полная конверсия институционального триплекса, имевшая место в период распада СССР, в полной мере соответствовала критериям революционной ситуации, аналогичной революционным событиям в России начала XX века, а также временам Великой французской революции [Стародубовская, Мау, 2004].

Первый в российской истории экономический кризис приходится на начало XX века, когда экономика империи демонстрировала хороший уровень экономического развития. Причин этому было много, и накопились они не сразу. Так к середине XIX в., после поражения России в Крымской войне, стало очевидным все несовершенство отечественного институционального строительства. Подавляющая масса населения – крестьяне нуждались в раскрепощении своей личности, земли и труда; экономика – в промышленном развитии; армия – в модернизации и переоснащении современным вооружением; финансовая сфера – в банковском обслуживании; предпринимательская среда – в законодательном оформлении рыночных механизмов и правил и т.д. Отмена крепостного права (1861 г.), как первый крупный шаг царского правительства по части модернизации социально-экономических институтов не решила всех проблем российского общества. Даже сам механизм освобождения крестьянства от помещичьего гнета оказался, по сути, антинародным, ибо непомерно большие и плохо контролируемые «выкупа», были не под силу основной массе крестьянства, привязанной к тому же к податной общине. В итоге процесс формирования эффективных экономических и (социальных) институтов как на селе, так и в городе, обеспечивающий эффективное товарное производство, затянулся на долгие десятилетия, вплоть до начала нового века. Асинхронность по отношению к процессам европейского развития, или иначе – догоняющий тип экономики, всегда была одной из особенностей российской экономической истории, поскольку, трансплантация отдельных институтов и новых технологий в патриархальную институциональную среду, как известно, не приводит одновременно к адекватному процветанию и росту. В России развертывание промышленной революции и рыночных отношений, последовавших за отменой крепостного права с развитием экономической инициативы раскрепощенного населения (кустарная, ремесленная деятельность и т.д.) происходили практически одновременно, в отличие от Западных стран, где эти процессы вызревали в институционально оформившейся естественной среде, приобретая

все более апробированные, а потому все более оптимальные и завершенные формы: кустарное производство, ремесленничество (сродни торговле) – «ровесники рынка».

Что же политические кризисы – наиболее частое явление в истории человечества? Каковы их институционально-генетические корни и последствия? Из истории известно, что они не носят, в отличие от экономики, циклического характера, генерируя вместе с тем мощную колебательную волну социодинамики вдоль длинной «кондратьевской волны конъюнктуры», описывающей весь исторически обозримый цикл эволюции государства и его институтов. Начиная с эпохи промышленных революций институциональное поле большинства стран, ныне определяющих мировое развитие, приобрело адекватные контуры и в дальнейшем лишь трансформировались в ходе мировых эволюционных процессов.

Первый системный политический кризис в Великобритании – государстве, первым создавшим институт парламентаризма, насчитывавший к тому времени уже более чем 400-летнюю историю – со времен Великой Хартии вольностей («Magna Charta Libertatum»), завоеванной баронами еще у короля Иоанна Безземельного и «образцового» всесословного представительного органа в период правления короля Эдуарда I, был весьма показательным и кровавым. Он продемонстрировал всему остальному миру, что переход от мрачного Средневековья к «светлому будущему» индустриализма лежит через жертвенный ритуал похорон политической системы власти вместе с ее «богоизбранными» носителями: в 1651г. английский король Карл I был обезглавлен по приказу «прогрессивного» вождя оппозиции Оливера Кромвеля. Это уже потом пуританская совестливость британцев возобладает над воспалением мозга революционизирующих преобразователей древних устоев государства и вернет в сознание и первую конституцию страны сакральность королевской власти, неприкосновенность короны и головы ее носящей. Но если в начале – это была большая политика, то позже и теперь – это элемент культурного наследия (path dependence) и, если угодно, эпатажа XXI века. Однако политический кризис, в основе которого было жесткое противостояние королевской власти и парламента, в итоге привел все же к тому, что были запущены процессы, обеспечившие усиление социального статуса значительной части населения страны, получившего благодаря новым институциональным преобразованиям личную свободу действий, в том числе в экономической сфере. Таким образом, в ходе подобного кризиса наблюдается трансфер энергии институтов слабой политической власти и неэффективной экономики к социальным институтам, усиливающий их базовые аттракторы, приводящие в действие механизмы предпринимательства, давшие в последствии великолепные плоды в экономике. Конденсация энергии в социальной сфере в конечном итоге привела к новому формату и самой политической власти. Британия, преодолевшая через революцию XVII в. историческое наследие общеевропейской абсолютистской идеологии общества, первой на европейском континенте пришла к новому парламентаризму, который стал главным

политическим институтом, приведшим всех европейцев к новым либеральным ценностям (социальные институты) и, как следствие, к основам рыночной экономики (экономические институты). Одним из ключевых итогов Английской революции стало изменение института прав собственности на землю, позволившее сформировать рыночные отношения крупных и мелких землевладельцев, выкупивших конфискованные у королевской аристократии земельные угодья, обеспечив тем самым «стартап» промышленному развитию хозяйства. «Господство частного капитала было закреплено в политических институтах партийной демократии с ограниченным избирательным правом, – оно гарантировало крупному капиталу благоприятные и стабильные условия расширенного воспроизводства. Технологическое лидерство обеспечивало высокую конкурентоспособность английской экономики, которая доминировала в мирохозяйственных связях» [Глазьев, 2016, с.8]. В последствии, первый в Новой истории экономический кризис, как известно, был зафиксирован, естественно, также в Великобритании, первой капиталистической стране мира, в 1825 году, когда страна уже была признанным лидером европейской и мировой экономики, а ее опыт политических реформ и экономического развития стали примером для всей Европы и американских колоний, сменивших через несколько десятилетий лидера мировой гонки.

Первый политический кризис в России в указанный период, после отмены крепостного права, впервые не был связан с семейно-ритуальным царевубийством в Думе Романовых. Этот кризис был связан с двумя ключевыми факторами, отражающими системные проблемы в сфере экономики и политических институтов государства. Наша позиция совпадает с аналитическими заключениями И. Стародубовской и В. Мау, которые подчеркивают, что зачастую революции предшествует «период быстрого экономического развития, который «подрывает основы традиционной социальной структуры» и приводит к расколу элиты по социальным, политическим и экономическим интересам <...> «фрагментация» общества, расхождение политических и экономических интересов и появления новых «социальных сил» становятся главной причиной эрозии государственных структур в предреволюционный период» [Арон, 2005, с.139; Стародубовская, Мау, 2004].

Социальный конфликт различных групп российского социума между собой и все вместе – против прогнившего и деградировавшего царского режима, вылился в конечном счете в серию революционных взрывов, завершившихся победным шествием по стране большевистской революцией 1917 г. и самой кровавой и жестокой гражданской войной. Деграция политических институтов, непомерно возросшие социальные запросы людей, не подкрепленные соответствующей нормативной базой и потому, дошедшие до уровня анархии демократические свободы, и не успевшие укрепиться и подчиненные интересам войны экономические институты – вся эта базовая конструкция государства в итоге рухнула, похоронив не только царский режим, но и эволюционную перспективу развития России.

В этот период бифуркации, разрыва линии поступательного развития социума, стремительно разрушались ранее существовавшие институты: политические, социальные, экономические, и вместо них возникали псевдоинституты, институты-мутанты. Так в конце 20-х годов Советская власть сознательно пожертвовала развитием институтов экономических в пользу – политических, доведя их в итоге до гипертрофированных масштабов, превращая жизнь миллионов людей в иррациональность. Политические институты нового государства, формально провозглашавшие явно псевдодемократические принципы управления страной через систему «Советов» различных уровней, фактически имели характер узурпировавшей власть большевистской верхушки, в последствии трансформировавшейся в жестокий тоталитарный режим во главе со Сталиным, отличавшийся от царизма в этом смысле лишь отсутствием закона о престолонаследии. Небывалый в истории человечества эксперимент демонтажа прежних институтов и строительства новых начался в огромной стране, имевшей шанс стать одним из лидеров мирового развития. Правда ожидания ортодоксальных марксистов – российских теоретиков революции и социализма не оправдались в самом начале: революционный «пожар» хотя и перекинулся ненадолго на развитые капиталистические страны (Германия, Венгрия, Испания), но до системных преобразований, таких как в Советской России, дело так и не дошло. Слишком сильны были институты государства и экономики, но зато на волне контрреволюции к власти в этих странах сразу же пришли фашисты, установив тоже тоталитарную власть, но с еще более зловещим лицом. Впоследствии, как известно, сделав своими сателлитами еще ряд государств Европы, черная чума фашизма при попустительстве воинствующего нейтралитета заморского капитала, окончательно расколола мир надвое: советский социализм и весь остальной мир, открыв «ящик Пандоры» биполярной модели развития мирового сообщества.

В целом, компаративный анализ исторической реконструкции кризисных явлений мировых экономик, показывает много общих характерных черт институционального характера. Исследование революционных событий, имевших место в различных частях света, включая предпосылки, ход событий и финальные драмы, свидетельствуют об идентичности этого процесса в ключевых причинно-следственных цепочках, при наличии множества особенностей, являющихся следствием культурно-исторических особенностей той или иной страны. Указанное обстоятельство, учитывая, что в основе общественно-экономических трансформаций лежат институциональные изменения, свидетельствует об идентичности переходных процессов в пределах институционального поля различных социально-экономико-политических систем в точках их фазовых переходов (кризисов) и бифуркаций (революций).

Резюмируя сказанное, можем заключить, что сочетание значимых изменений в экономике государства (любой направленности) с масштабной эрозией власти и неконтролируемым ароморфозом социальной среды способно привести к масштабным кризисам, имеющим тенденцию перерасти в революционные события. Марксистская теория революций, построенная на

основе теории классовой борьбы, трактующая революцию как неизбежный, даже запрограммированный этап развития общества, представляется нам слишком прямолинейным, механистическим подходом, а потому не приемлемым для описания весьма сложных процессов трансформации институциональных основ общественно-экономических систем. По нашему мнению, эти бифуркации на спирали эволюционного развития тех или иных общественно-экономических систем в данном контексте правильнее будет объяснять, опираясь на теорию хаоса И. Пригожина, дающую обоснование скачкообразного развития событий на «дорожной карте» цивилизаций и народов. Согласно этой концепции, аккумулированная в ходе предшествующей эволюционной динамики энтропия институциональной системы в точке бифуркации расщепляется, представляя акторам сделать индивидуальный выбор дальнейших действий, определяющий в массе – пути развития общества. При этом время история не прерывается «на период революционных событий» – спираль институционально-эволюционного развития человечества неразрывна.

Дегтярев А.Н. Конверсия институтов. Начала теории.

С содержанием и введением к книге можно ознакомиться по ссылке: http://isi-rb.ru/wp-content/uploads/2020/10/Degtyarev_Monography_public.pdf

Сведения об авторе

Дегтярев Александр Николаевич, вице-Президент Академии наук Республики Башкортостан, директор ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, доктор экономических наук, профессор. 450008, г.Уфа, ул. Кирова, д.15. aleks-degt@yandex.ru, тел. +7 (347) 273-72-37. <https://orcid.org/0000-0001-6237-8795>

Author's personal details

Degtyarev Alexander Nikolaevich, Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Director of GANU “Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Doctor of Economics, Professor. 450008, Bashkortostan, Ufa, ul. Kirova, d.15. aleks-degt@yandex.ru, tel. +7 (347) 273-72-37. <https://orcid.org/0000-0001-6237-8795>

© Дегтярев А.Н.